

Эрцгерцог украсил пространство разноцветными тканями, которые получил в подарок, купив так много всего.

Цветочная дорожка на земле была украшена свечами.

Тёплый и прекрасный свет от горящих свечей превратил мрачный передний дворик в сказочный.

По прибытию в храм рот Лайлы слегка приоткрылся, когда она окинула взглядом всё, что находилось перед ней.

— О боже...

— Лайла.

С довольным выражением лица Венио позвал Лайлу, удивлённую представшей перед ней картиной. Затем он снял одеяло с её плеч и ловко обернул её в красивую, ароматную ткань цвета индиго.

Ткань мягко коснулась её. Наконец небольшая серебристо-розовая тиара и вуаль, вышитая золотыми нитями, расположились у неё на голове.

Венио пристально посмотрел на Лайлу. Улыбнувшись, он прошептал:

— Теперь тебе просто нужно пройтись со мной по дороге, устланной цветами.

— А.

Венио хотел понести её на руках, но он не мог сказать этого вслух: он не желал напугать Лайлу. Она смотрела на цветы с неописуемым выражением лица.

Какие-то люди пришли доставить товар, были и те, кто уже слышал об их паре. Все стояли вокруг и наблюдали за происходящим.

Когда Венио и Лайла встали по центру, раздались неформальные возгласы и аплодисменты.

Так как церемония была неофициальной, священник не произнёс никакой торжественной речи. Они просто обменялись кольцами и поцеловали друг друга в щёку.

Венио достал фамильное обручальное кольцо, которое взял с собой ещё утром, и надел его на палец Лайлы. Затем он немного пригнулся, чтобы Лайле не пришлось вставать на цыпочки.

Со слегка покрасневшим лицом Лайла прислонила свои дрожащие губы к его щеке.

Венио моргнул, почувствовав мимолётный поцелуй. В месте, которого она коснулась, было особенно щекотно и тепло.

С такой глупой мыслью он поднял девушку в мгновение ока и ушёл, сопровождаемый свистом и смехом.

Император первый узнал об этой новости. Правитель застыл подобно каменной статуе на минут десять, прежде чем на автомате отправил письмо в герцогство Эстеван.

Таким образом была заключена помолвка между Венио де Арсеном и Лайлой Эстеван.

— Вы хотите сказать, что леди помолвлена? — спросил Гейл, престарелый доктор семьи Эстеван, широко раскрыв рот.

Герцог Эстеван был безмолвен.

Стояла поздняя ночь. После прочтения письма, несмотря на утверждённое в нём, он еще не мог поверить в происходящее, а Лайлы Эстеван, всё ещё не было дома.

— Тогда зачем же вы меня позвали? — произнёс Гейл, придя в себя.

Спросив, он сразу же подумал о том, стоит ли написать отчёт о состоянии Лайлы и послать его эрцгерцогу, и как много обезболивающего ей отправить.

Лайла была рождена с заболеванием, и ей становилось только хуже. Стадия была уже настолько запущенной, что вылечиться было невозможно, но всё же было бы неплохо использовать болеутоляющие, чтобы ослабить боль и облегчить симптомы, даже если немного.

Безмолвный герцог посмотрел на Гейла убийственным взглядом и произнёс:

— Ты сделал лишнего, Гейл.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Больше не вмешивайся, второго шанса не будет, даже тебе.

— Господин, на всякий случай... — Гейл почувствовал, что герцог был каким-то странным, и его глаза расширились. Вспышка промелькнула в его голове, и он подумал о яде, который принимала Лайла.

«Стоп. Надо остановиться», — он не мог расспрашивать дальше.

Герцог уставился в пустоту, на его бледном лице расцвело выражение полное отвращения.

Доктор вспомнил, где уже мог видеть это выражение лица. Это было выражение потери всего очень близкого за раз.

— Иди к ней в комнату и замени оставшееся обезболивающее на что-нибудь другое. Она определённо вернётся за ним.

— Могу я спросить, чем же мне его заменить?

На вопрос Гейла, словно ожидая этого, герцог ответил:

— Ядом.

Судорожно вздохнув, Гейл понуро опустил голову.

Гейл, старый доктор, был довольно сообразительным человеком, служившим герцогству Эстеван. Будучи спасённым герцогом, он поклялся посвятить свою жизнь защите господина.

Причина, по которой герцог так долго позволял ему быть рядом, вероятно заключалась в доверии к его клятве. Поскольку Гейл долгое время прислуживал герцогу, он хорошо знал его.

«Сердце господина сильно разбито».

Вероятно, из-за того, что он был доктором, а может и потому, что был рождён таким, он не мог действовать жестоко. Поэтому герцог и не поручал Гейлу подобную работу. Однако в этот раз всё было по-другому.